

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ

КОСМИЧЕСКИЕ ИСТОКИ РЕЛИГИОЗНОГО ЧУВСТВА



В. Ф. Петренко

*Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
e-mail: victor-petrenko@mail.ru*

Статья посвящена взаимоотношению науки и религии как важных составляющих человеческой культуры и человеческой ментальности. Утверждается, что наука тесно связана с сознанием и описывается на языке жестких формализмов. Язык религии метафоричен, принадлежит к «мягким языкам» и тесно связан с образами и архетипами коллективного бессознательного. В плане мировосприятия наука и религия находятся в отношении дополнительности. Отмечается ценность форм «религиозного многообразия» человеческой культуры. Отмечается, что благодаря феномену ЭПР (или квантовой телепортации) возможна передача (нельзя сказать информации, возможность которой ограничена в силу огромных космических расстояний) квантовых состояний в форме синхронии. Выдвигается гипотеза, что источником религиозного чувства является космическое коллективное бессознательное инопланетных цивилизаций, опередивших земную в сроках возникновения и имплицитно влияющих на земную эволюцию.

Ключевые слова: наука, религия, космос, коллективное бессознательное, религиозное чувство, феномен ЭПР, квантовая телепортация, синхрония.

DOI: 10.7868/S1819265318030019

Исследования проводятся при финансовой поддержке РФФ, грант № 17-18-01610

Для цитаты: Петренко В. Ф. (2018) Космические истоки религиозного чувства // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 5–27.

Пытаясь осмыслить истоки собственного существования, Человечество устремляло свой взгляд в Небо, однако исследований психики в контексте глобальной космической эволюции исчезающе мало. Отчасти этот вектор представлен гуманитарно-антропологическими направлениями «философии жизни»

в работах западных мыслителей, таких как Артур Шопенгауэр, Фридрих Ницше, Вильгельм Дильтей, Анри Бергсон, Освальд Шпенглер, Георг Зиммель, Эдуард Шпрангер, Уильям Джеймс, Генрих Риккерт.

Мировая наука, оплодотворенная идеями «русского космизма» Николая

Федорова, Константина Циолковского, Владимира Одоевского, Сергея Булгакова, Павла Флоренского развивала идеи трансформации человеческой цивилизации в контексте космической эволюции. В современной науке эта проблематика представлена в исследованиях Big History Дэвида Кристиана, Универсального эволюционизма Иосифа Шкловского и Никиты Моисеева, Мегаистории Акопа Назаретяна. Глобальные модели взаимоотношения человека и природы присутствуют в работах таких родоначальников системного анализа как Людвиг фон Бергаланфи, Владимир Вернадский и Александр Богданов. Естественно, такое интегральное мировоззрение требует и глобальной творческой фантазии. Так, например, идею Циолковского о переходе в будущем человечества в лучистую форму невозможно ни эмпирически проверить, ни теоретически доказать. Но такие глобальные идеи открывают веер потенциальных возможностей развития, без целеобразующей функции которых корабль человеческой цивилизации не имеет направленности. О генералах, ориентированных только на опыт прошлого, говорят, как о готовящихся к прошедшим войнам, но ученый, ориентированный только на принципы сегодняшней науки обречен на догматизм и стагнацию своего творчества. Как заявил великий физик Нильс Бор молодому коллеге на одном из научных семинаров: «Ваша теория несомненно безумная, но достаточно ли она безумная, чтобы быть верной?» Не забудем в этом контексте идею о самореализующихся прогнозах, когда самая безумная фантазия может оказаться руководством к действию.

Если наука конструирует возможные модели бытия и развивает технологическое могущество Человечества, то религия как идеология — задает возможные смыслы такого бытия и смыслы человеческого существования. Разделяя методоло-

гию конструктивизма, исхожу из того, что любая метафора, притча или мифологема содержит элемент истины. Как говаривал Пол Фейерабенд (2010), «сгодится все». В течение всей человеческой истории во всех культурах и на всех континентах существовали религиозные и квазирелигиозные культы (начиная от шаманизма и кончая монотеистическими религиями — иудаизмом, христианством и исламом), а также мистическим индуизмом, философским и психотехническим буддизмом, социально ориентированным конфуцианством, системно-интегративным даосизмом, анимистическим синтоизмом, предельно аскетичным и экологичным джайнизмом и еще великим «многообразием религиозного опыта», накопленного человечеством (Джеймс, 1993). Очевидно, что религиозное чувство, как и тяга к трансцендентальному — неизбежные составляющие человеческого менталитета, выступают некими инвариантами человеческой природы, присущими также и выдающимся ученым: Исааку Ньютону, который был также и глубоким теологом, епископу Беркли, выдвинувшему онтологический принцип «быть — значит быть наблюдаемым», Альберту Эйнштейну с его рассуждениями о месте религии в познании, академику Ивану Павлову, жестко разводявшему физиологию и учение о духе, — список можно продолжать, внося в него множество славных имен. Европейская наука отпочковалась от теологии, стремясь найти законы божественного мира («Мир как книга»).

Само понятие «истина», столь любимое в научном лексиконе, имеет явно «религиозно-мифологическое происхождение» (Назаретян, 1995) и подразумевает констатацию того «что есть на самом деле» (Аллахвердов, 2003; 2009). Это представление об истине как соответствии нашего познания «объективной реальности» (еще один мифологический термин) разделяется и отечественной «ле-

нинской теорией отражения» и западной корреспондирующей теорией истины, а на обыденном уровне не только разделяется массовым сознанием, но неосознанно пронизывает ментальные установки большинства ученых. Ф. Энгельс выразил это в представлении о том, что познание по асимптоте стремится ко все большему соответствию самой действительности. Но есть ли сама эта действительность, безотносительно к особенностям восприятия наблюдателя, его языка и менталитета? Не имея возможности лицезреть «объективную действительность», или то, что Иммануил Кант называл «вещью в себе», человек, согласно принципу альтернативистского конструктивизма Дж. Келли (2000) познает мир (и себя как часть этого мира) как ученый, строя альтернативные гипотезы и модели. Великий греческий философ Платон выразил эту мысль, дав образ человека, живущего в пещере, где по отраженным теням на стенах этой пещеры он пытается строить гипотезы о мире, простирающемся за стенами этой пещеры.

Различные науки ставят вопросы и получают ответы на достаточно конкретные аспекты мироустройства, но мы не знаем однозначных ответов на самые глобальные экзистенциальные вопросы нашего бытия типа: есть ли Бог? Есть ли «жизнь» после смерти и возможна ли реинкарнация? Есть ли во Вселенной разумная жизнь на более высоких ступенях разума, чем земная (что почти эквивалентно вопросу: а есть ли Бог)? Есть ли смысл жизни помимо биологического и не объясняется ли «молчание» космоса тем, что, достигнув определенного социального и материального благополучия («миром правят любовь и голод»), развитая цивилизация просто утрачивает мотивацию и желание жить (как в романе Джека Лондона «Мартин Иден» достижение желаемого ведет в тупик мотивации)? Жить ради чего? Что такое судьба

и насколько наша жизнь предопределена? Что такое свобода воли и каковы ее рамки? Где границы моей свободы воли и есть ли она (как это у Ф. М. Достоевского: «Тварь ли я дрожащая или право имею?»)? На основе чего возможны пророчества и можно ли заглянуть в будущее или прошлое, не через рациональный прогноз, а через непосредственное усмотрение еще не свершившегося или, наоборот, навсегда ушедшего? Как, например, в философии православного экзистенциализма (Л. И. Шестов, Н. И. Бердяев, Н. С. Трубецкой) есть представление о том, что Бог, находясь вне пространства и времени, созерцает «одновременно» начало и конец причинно-следственной цепочки и для него нет прошлого и будущего.

Можно полагать, что в случае пророчества медиум способен войти во вневременное состояние, приписываемое в православном экзистенциализме Богу. Возникает также вопрос, а насколько будущее уже задано и предопределено: от суждения «и волос с головы не упадет без воли Отца вашего Небесного» Евангелия до суждения о том, что «Бог в своей любви не ограничивает свободу выбора человеком добра или зла» в православном экзистенциализме (Бердяев, 2003), и насколько сам человек ответствен за этот выбор? Онтологично ли зло? Другими словами, есть ли силы зла: типа дьявола в христианстве, шайтана в исламе? Или же зло не персонифицировано и представляет собой просто неведение, незнание, как в буддизме или в христианской версии Августина? Таких базовых экзистенциальных вопросов множество, но ни на один из них мы не имеем однозначного ответа. И в роли пророков, дающих если не решение этих базовых вопросов бытия, то хотя бы ощущение приближения к ним, часто выступают «духовно талантливые люди» (по Василию), черпающие из индивидуального и коллективного бессознательного смутные об-

разы или мироощущения, которые они выражают в «мягких языках» (Налимов, Драгалина, 1995), на которых разговаривают пророчество и искусство.

Между наукой и теологией есть некие общие моменты. Научный текст (в отличие от текста графомана или шизофреника) существует «как текст в тексте» (Лотман, 2001), будучи наполненным как прямыми, так и косвенными ссылками на работы коллег, философов и методологов науки. Но и теологическая литература помимо опоры на канонические тексты (Типитака, Ветхий и Новый Завет, Талмуд, Коран и т.п.) содержит огромную перекличку интерпретаторов канонических текстов, подчас объемом превосходящую на несколько порядков сами сакральные тексты. Далее, специфику науки обычно связывают с наличием эмпирического опыта, а также с возможностью экспериментально проверять исходные гипотезы. Но и в рамках духовной культуры возможны мысленный эксперимент, пророчества, как подтверждаемые или неподтвержденные гипотезы, духовная работа, сомнения и терзания, внутренний самоанализ, ощущение безусловной достоверности, что, конечно, отличает религиозный опыт от естественно-научного, но оказывается близким к психоаналитическим или трансперсональным вариантам психологической науки, которую все же принято считать гуманитарной наукой, хоть и отличной от естественно-научной.

Познание человеком мира и самого себя в истории человеческой культуры осуществлялось с того, что В. В. Налимов обозначил как фигуры «мягкого языка»: мифы, легенды, притчи. Российский ученый, философ, гуманист А. А. Богданов (1989) в фундаментальной монографии «Тектология: Всеобщая организационная наука» (которая многими учеными рассматривается как предвестница кибернетики, предвосхитившая ряд положений «Теории систем» Л. Бергаланфи (1969))

показывает, что «основной метафорой» в познании мира в первобытном обществе были племенные отношения внутри самого этого общества, как материал наиболее близкий и освоенный людьми. Русский язык несет в своей грамматике и синтаксисе огромный пласт архаичного мышления и миропонимания, доставшегося нам от далеких предков.

В свое время мы (Ермолаев, Петренко, 1976) ввели понятие «псевдодействие» для обозначения присущего русскому языку феномена описания предметной ситуации по аналогии с человеческим действием. Рассмотрим, например, предложение «Книга лежит на столе». Мало того, что в ситуации пространственного взаимоотношения двух объектов меньшему по размеру (книге) приписывается роль подлежащего, т.е. субъекта, который совершает антропоморфное действие (разлегалась, понимаешь!), этому субъекту (книге) приписывается еще и половая принадлежность (книга — она) при полном отсутствии каких-либо половых признаков. Описание окружающей реальности через ее антропоморфизацию, т.е. наделение природных процессов человекоморфными свойствами и использование в качестве объяснительной модели природных процессов собственные, т.е. человеческие действия в мире, и составляет первейшую базовую метафору житейской психологии.

Древний человек по аналогии с самим собой одушевлял природу, приписывая природным процессам субъектность. Сравним предложения: «Я иду домой» и «Идет дождь»; «Ветер качает деревья», «Мать качает колыбель с младенцем»; «Анастасия выглянула из-за плетня» и «Солнце выглянуло из-за туч». В этих предложениях как человек, так и разного рода природные процессы и стихии выступают в роли подлежащего, обозначающего активный агент действия. Отметим, что для снятия этого архаиче-

ского, уходящего в седую древность феномена антропоморфизации неживой природы, присущего нашему языку, в падежной грамматике Ч. Филмора (1981) вводится глубинный уровень смысловых ролей («семантических падежей»), соответствующий современным представлениям о человеческой деятельности и природных процессах. Так, в падежной грамматике Ч. Филмора в предложении «Мальчик разбил окно камнем» на роль агента действия будет отнесен «мальчик», на роль объекта — «окно», а «камню» будет приписана падежная роль «инструмента». В предложении «Музыка взволновала меня» — «я» не будет являться агентом, поскольку это переживание не было произвольным и волевым, и «мне» в падежной грамматике Ч. Филмора приписывается роль пациента. По сути дела, лингвист Филмор пытается построить свой вариант теории деятельности и отразить процесс категоризации как процесс, затрагивающий мотивацию, целобразование, осознаваемые и бессознательные уровни регуляции деятельности субъекта. Так, одна из чрезвычайно интересных попыток структурной лингвистики (Апресян, Мельчук, Жолковский и др.) — создать язык смыслов, представляющий собой связанные ориентированные графы, в узлах которых стоит универсальная лексика данного языка, а ребра графов заданы обобщенными предикатами.

Не только древние люди переносили человеческую субъектность на природные процессы. Так, персидский царь Ксеркс, перед сражением с греками, в результате которого получил поражение, приказал высечь море, виновное в шторме, разметавшем понтонную переправу и утопившем часть войска. Отдаленный от нашего настоящего дня всего на несколько столетий, царь Иван Грозный приказал вырвать язык у вечегого колокола Великого Новгорода и отравить колокол в ссылку.

Ощущая присутствие неких высших сил, влияющих как на судьбу конкретного единичного человека, так и определяющих жизнь всего человечества, последнее категоризовало эти силы в представлениях о духах (шаманизм), поклонялось им в звероподобных образах богов Древнего Египта, или же в человеко-совершенных образах бессмертных богов Древних Греции и Рима, царящих над людьми, но и принимающих участие в жизни смертных. Монотеистическая идея единого бога прошла эволюцию от племенного бога Яхве, лепящего человека (Адама) из глины, и имеющего в иудаизме чисто человеческие качества, как то способность гневаться, карать отступников (как в случае наказания жителей Содома и Гоморры), ревниво проверять на верность себе (как в случае с Иовом), через парадоксальную идею Бога, воплотившегося во Христе, принявшем крестные муки, и тем самым искупившем первородный грех («смерть смертию поправ»), через более позднюю версию Троицы в христианстве — к идее «Бог везде и нигде, Бог в сердце твоём» в протестантизме. Можно сказать, что идея Бога, последовательно освобождаясь от антропоморфных представлений, становилась все более трансцендентальной, выражаясь в религиозном чувстве присутствием пророкам, поэтам, «духовно талантливым людям». Источник религиозного чувства — индивидуальное и коллективное бессознательное. Но выразить и осознать религиозное переживание можно только категоризовав его. «В начале было слово». Язык как «дом бытия» (Хайдеггер) задает и границы нашего мира (Витгенштейн). Поэта Николая Гумилева можно характеризовать как романтика и мистика. Он предсказал насильственную причину и условия своей собственной гибели. Мироощущение присутствия Бога у Н. Гумилева представлено, в частности, в его стихотворении «Шестое

установки. Так, например, христианство, возникнув как идеология сострадания и любви, в эпоху абсолютизма породило институт инквизиции, чьи установки представляли полную противоположность раннему христианству. История Человечества показывает, что практически любая идеология (религиозная или светская) оборачивается в какие-то моменты истории своей противоположностью. Во имя любви к Богу горели костры инквизиции, из любви к освобожденному человечеству «рыцари революции» в лице НКВД загоняли людей в концлагеря и на «стройки века». Ф. М. Достоевский пророчески описал в притче о великом инквизиторе осуждение Христа на смерть при его гипотетическом Втором пришествии.

«Среди глубокого мрака вдруг отворяется железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит ему: — Это ты? Ты? — Но, не получая ответа, быстро прибавляет: Не отвечай, молчи. Да и что бы ты мог сказать? Я слишком знаю, что ты скажешь. Да ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано тобой прежде. Зачем же ты пришел нам мешать? Ибо ты пришел нам мешать, и сам это знаешь. Но, знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто ты, и знать не хочу: ты ли это, или только подобие его, но завтра же я осужу и сожгу тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к твоему костру угли, знаешь ты это? Да, ты, может быть, это знаешь, — прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего пленника... Имеешь ли ты право возвестить нам

хоть одну из тайн того мира, из которого ты пришел?.. Нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую ты так стоял, когда был на земле. Все, что ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не ты ли так часто тогда говорил: “Хочу сделать вас свободными”. Но вот ты теперь увидел этих “свободных” людей, — прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. — Да, это дело нам дорого стоило, — продолжает он, строго смотря на него, — но мы dokonчили, наконец, это дело во имя твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не достаиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены более чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль ты желал, такой свободы... Ибо теперь только стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми? Тебя предупреждали, — говорит он ему, — ты не имел недостатка в предупреждениях и указаниях, но ты не послушал предупреждений, ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, ты передал дело нам. Ты обещал, ты утвердил своим словом, ты дал нам право связывать и развязывать, и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же ты пришел нам мешать?... Повторяю тебе, завтра же ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру твоему, на котором сожгу тебя за то,

что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это ты. Завтра сожгу тебя».

При наличии для всех религий общего трансцендентального источника, ко-ренящегося в коллективном бессознательном, различные религии достаточно сильно отличаются друг от друга, будучи выраженными на уровне сознания в сакральных текстах. Они различаются по системе ценностей, содержанию допустимых форм поведения, характеру психотехнических практик, позволяющих вхождение в измененные состояния сознания. Эти различия эволюционируют и порождают многообразие национальных культур, выступающих как «сад расходящихся тропок» (Борхес). При этом можно говорить об уровне развития той или иной религии. Например, шаманизм, как наиболее древняя форма религиозной практики, чрезвычайно психотехничен (Торчинов, 1998), ибо он впитал многотысячелетний опыт вхождения в измененные состояния сознания и работы с ними. В то же время в нем практически отсутствует развитая этическая система, присущая, например, буддизму или христианству. Современная практика мировых религий во многом утрачивает психотехнический компонент, замещающая им религиозный ритуал, который подчас представляет собой пустую оболочку бывших ранее психотехнических практик. В этом плане можно полагать, что на смену традиционным религиям, в той или иной мере порождавшим антропоморфных богов, приходит квази-религиозное мироощущение Всеединства бытия (Соловьев, 1988), мистическое познание через вселенское чувство (Лапшин, 1905; Большакова, 2006), присутствия трансцендентальной реальности в нашей жизни и ощущение включенности как отдельного человека, так и всего Человечества в космическую эволюцию Духа. Можно полагать, что Космос —

это не только вместилище низко организованной материи (согласно Э. Чайсону (Chaisson, 2001), «сорная травинка во дворе сложнее самой причудливой туманности Млечного пути»), но включает и трансцендентальные духовные уровни, которые влияют на нас и которые мы можем ощутить через прорывы в бессознательное с помощью духовных психопрактик, через медитативное прочтение сакральных текстов, через пиковые (термин А. Маслоу (1999)) переживания любви, страдания, восторга или через творческое вдохновение при занятии искусством или наукой. Западная философия зиждется на бинарной оппозиции субъекта как творческого начала и пассивной материи как объекта творения. В авраамических религиях личностного Бога (иудаизм, христианство, ислам) человек как подобие Бога противопоставлен тварному миру, который он (человек) трансформирует и совершенствует, как субъект совершенствует объект. В роли объекта совершенствования может выступать не только внешний мир, но и сам человек, его собственное тело, его внешность, совокупность умений и интеллект и даже черты характера и духовность. В мире конкуренции самосовершенствование становится средством борьбы за место под солнцем, приобретая гипертрофированный характер. В восточной, буддийской философии имеется понятие анатмана (отрицание личности или иллюзорности эго). Индуистской и буддийской философии несвойственно субъект-объектное противопоставление. Медитативные и дыхательные практики, отшельничество призваны снять выделенность человека из мира и интегрироваться с ним. Нирвана и есть полное растворение в мире, снятие «двойственности».

Рассмотрим в качестве примера экзотичной формы медитации «медитацию на трупах» (Ньянапоника, 1994), связанную с культивированием непривязан-

ности к телу (практика «чод» — отсечение страха). Практика «чод» признана показать иллюзорность «я» (см. также: Петренко, Кучеренко, 2007). Внушается переживание тяжести в теле, нет возможности двигаться, ощущение как будто тебя засасывает жирная, зловонная тряпина. Болотная жижа сдавливает тело все сильнее и сильнее. Пузыри болотного газа скользят по телу. В кожу впиваются болотные пиявки. В рот попадают остатки гниющих растений и разлагающиеся останки животных. Захлебываясь, человек ощущает судороги, конвульсии. После переживания предсмертной агонии возникает ощущение разлагающегося трупа. На теле возникают трупные пятна. Разлагается мясо, стекая с костей. Все тело как бы растворяется в болоте, а с растворением, исчезновением тела (для буддистов это переживание равносильно утрате эго) человек освобождается от страха смерти. «Я», утратившее физическую оболочку, оказывается внутри гораздо более обширного и богатого образа (пространства). Элементами схемы тела (оболочки «я») выступают движения воздушных потоков, потоки солнечного света, водные и лесные просторы. Жизнь во всех ее проявлениях. Остается опушка леса на краю болота, покрытая яркой зеленью. Яркое солнце. Белоснежные облака плывут по синему небу. Слышится пение птиц. Все наполнено движением звуков, красок. Все полно движением жизни, и ты и есть этот мир...

На этом примере можно почувствовать, что работа по визуализации в измененных состояниях сознания связана с изменением категоризации, со снятием субъект-объектной оппозиции «я» и мира, или, говоря языком буддизма, «снятием двойственности». Меняются границы самоидентификации. В состоянии медитации физическое тело как бы растворяется и сознание резонансно всему миру. В измененных состояниях сознания изменя-

ется категоризация себя, других существ, мира, а в состояниях, близких к нирване, в пределе снимаются сама категоризация и сознание. На наш взгляд, в результате медитации человек выходит в бесконечное пространство коллективно-бессознательного. Термин «коллективное бессознательное» ввел Карл Юнг (1991), весьма интересовавшийся буддизмом и индуизмом. Он сравнивал коллективное бессознательное с мангровой рошей. Мангровые деревья растут на берегах тропических морей, завоевывая новые пространства, пуская побеги, идущие от ствола, которые, опускаясь под тяжестью собственного веса, при соприкосновении с водой и дном превращаются в корни. На поверхности отдельные деревья кажутся самостоятельным растением, но на глубине, под землей их корни переплетены. Их индивидуальное существование является иллюзорным, и мы имеем дело с мангровой рошей, образующей единый организм.

Коллективное бессознательное, по-видимому, имеет многоуровневый и многослойный характер; наряду с личностным бессознательным Зигмунда Фрейда (Турецкий, 2006), содержащим индивидуальный опыт, существуют архетипы, присущие представителям определенных рас, этнических культур, а также общечеловеческие архетипы (Турецкий, 2008). Но вместе с чисто человеческим коллективным опытом в коллективном бессознательном содержится и опыт наших эволюционных предков. Именно поэтому в гипнозе можно вызвать переживания, присущие тем или иным животным, находящимся на различных ступенях эволюционной лестницы. Помню собственные переживания в трансовом состоянии в образе тигра. Вернее, то, как я «был тигром». Помню, как чуть ли не со скрипом раздвигались кости черепа и увеличивалось расстояние между моими глазами (у тигра оно шире, чем у человека, но я

об этом не знал, знало об этом мое «звериное» коллективное бессознательное).

Мой друг, ученик и коллега В. В. Кучеренко описывает интересный случай из своей практики гипнотерапии. Его пациентка страдала сочетанием анорексии и булимии, заключавшемся в том, что она или чувствовала отвращение к еде, или же, начав есть, не могла остановиться, так как не ощущала насыщения. Худошавая и изьящная она воспринимала себя непомерно разевшейся. Как выяснилось в ходе гипнотического погружения в прошлое, наша пациентка занималась в далекой молодости (или даже в детстве) в балетной студии и пережила весьма негативный опыт. Ее партнер, застав ее за тайным поеданием каких-то пирожных (что было нарушением пищевого режима), назвал ее «жирной короной» и дал оплеуху (ведь поднимать ее в ходе балетного танца приходилось ему). Все это не могло не вызвать сильного эмоционального стресса и стало причиной мощной психологической травмы, вылившейся в болезнь. Владимир Кучеренко решил в ходе гипнотерапии дать возможность пациентке испытать чувство насыщения, которое она не получает из-за болезни (как табу на удовольствии от пищи). Он последовательно погружал ее то в иллюзорную реальность римского пира («симпозиума» — на языке Древней Греции), то в ситуацию барского застолья русской усадьбы. Но во всех случаях что-то мешало пациентке пережить насыщение. В последнем случае ее погрузили в ситуацию первобытного племени, успешно завалившего мамонта и празднующего добычу. Вкусно пахнущий кистром кусок мамонтины у нее грубо отнял какой-то амбал, одетый в звериные шкуры, и ей осталось только жалобно скулить по поводу незаслуженной обиды. Отметим, что это типично для невротичных людей. Катаясь в гипнотическом трансе на лыжах с горы, они обязательно врежутся в воображаемое дерево;

ухаживая в фантазийной реальности за противоположным полом, неизбежно потерпят фиаско; будучи в образе животного, будут ощущать проплешины на шкуре или большую лапу. Тогда психотерапевт решил создать такую ситуацию, в которой пациентка не будет чувствовать себя связанной с социальными нормами и запретами. Он превратил пациентку в летающего ящера-птеродактиля. Планируя на своих перепончатых крыльях над доисторическим пейзажем, пациентка испытывала неизъяснимое чувство хищника: «моя территория, моя добыча». Увидав сверху какое-то существо, похожее на гигантскую лягушку, она спланировала на добычу и разорвала ее. Поглощая «дымящуюся» плоть, она испытала ни с чем несравнимое чувство удовольствия и насыщения. Болезнь отступила.

В этом примере для нас важен тот архаический опыт животного пласта бессознательного, в который смогла погрузиться пациентка и который, впрочем, доступен любому человеку. Сходные феномены в измененных состояниях сознания, вызванных пребыванием в космосе, описывает летчик-космонавт С. В. Кричевский. «Я знаю троих космонавтов, которые пережили такие фантастические видения. Наиболее яркий сюжет касался превращения человека в динозавра. Космонавт ощущал себя древним ящером, бегущим в стаде по склону горы, преодолевающим овраги. Он видел у себя трехпалые лапы вместо ног, чешую на них, перепонки между пальцами, огромные когти. Чувствовал, как вздыбливаются роговые пластины на хребте. Из его пасти вырывался пронзительный крик, который он ощущал, как собственный. Были описания и других трансформаций: человек превращался в иную личность: рыцаря в средневековом замке или в инопланетное существо-гуманоида. Переносился в иное пространство-время, в том числе на неизвестные ему небесные тела,

даже на планету, где было два Солнца. Но окружающая обстановка воспринималась как нечто родное, привычное. Слышались звуки, незнакомая речь, которая была понятна сразу, без всякого обучения» (Кричевский, 2014). В научной статье «Космонавтика и гражданское общество» (1995) С. В. Кричевский обозначил эти космические феномены как «фантастические сновидения-состояния». По сути, это измененные состояния сознания (ИСС) человека в космосе.

Можно предположить, что помимо животного пласта коллективного бессознательного могут существовать и уровни более высокие, чем человеческое бессознательное. Эти уровни «космического бессознательного» открываются святым, эзотерикам, «духовно талантливым людям». Остановимся на этом подробнее. При понимании жизненного мира как означенного и осмысленного пространства бытия человека сознанию отводится конструктивно-порождающая роль. Оно рассматривается не как копирующая однотипная «прокладка» между субъектом и действительностью, а как сложнейшая многомерная и многоуровневая открытая эволюционирующая система (пожалуй, самая сложная из всех рассматриваемых наукой систем), порождающая новые смысловые миры. Сознание — «космический странник» — находится на острие творческой эволюции Вселенной. Не исключено, что человеческое сознание задействовано в пластах более высоких уровней сознания и мы способны улавливать отблески космического разума. В конце концов, нашей человеческой цивилизации по космическим масштабам отроду нет и одного дня. Вселенная же существует миллиарды лет.

Гипотеза о предшествующих формах существования жизни и разума не менее научно корректна, чем гипотеза об уникальности и единичности земной жизни и цивилизации. Так, применительно

к проблеме возникновения жизни существует гипотеза «панспермии» (см., напр.: Панов, 2008), согласно которой эстафета передачи жизни в виде молекулярных структур, на базе которых возникают ее простейшие формы, осуществляется посредством странствующих космических тел (комет, метеоров). Сознание, понимаемое широко как способность ощущать, переживать, чувствовать, т.е. как качество, присущее в той или иной степени всем живым существам, также может быть рассмотрено как имеющее космическое происхождение. В своих фоновых формах оно может выступать камертоном Вселенной, эволюционируя и дифференцируясь в земных условиях к уровню связанного с языком человеческого сознания. Если верна гипотеза о предсуществовании сознания, то «братьев по разуму» можно искать не только с помощью телескопов или запуская в космос космические корабли, но и медитируя, направляя мысленный взгляд вглубь собственного сознания, обращаясь к архетипам коллективного, а возможно, и космического бессознательного. Именно этим и занимались адепты буддизма, индуизма, практик суфизма и исихазма. Разница только в концептах, в которых они обосновывали «многообразие религиозного опыта» (в терминологии У. Джеймса). Практики науки и религии здесь сближаются, и история религии проникнута опытом «пиковых» состояний сознания (Маслоу, 1999; Фрейджер, Фейдимен, 2008; Еремеев, 2008; Козлов, 2016; и др.), на научное осмысление которых выходит психология. «Не следует ли нам предположить, — полагает В. Франкл, — что над человеческим миром, в свою очередь, расположен превосходящий и недоступный человеку мир, смысл, точнее, «сверхсмысл» которого только и может придать смысл всему человеческому страданию? Человек может постичь сверхмир не больше, чем животное из своей среды может

понять более широкий человеческий мир. Он, однако, может уловить его в предчувствии — в вере» (Франкл, 2009, с. 42).

Представление о предсуществовании космического сознания содержится, к примеру, в индуизме. Индивидуальное сознание (атман) является частью (искрой божьей) целостного океана космического сознания (брахмана), с которым сливается после смерти. В рамках этих представлений единое интегральное сознание предшествует индивидуальному. Интегральное выступает как некоторый базисный фон, как «несущая волна», на основе которой моделируется более дифференцированно-индивидуальное. У. Джеймс (Джеймс, 1993) сравнивал взаимосвязь индивидуальных сознаний с образом корней деревьев, которые переплетаются в подземной тьме, или с дном океана, который соединяет острова друг с другом. «Подобным же образом, — пишет он, — существует и континуум космического сознания, в которое как в материальное море погружены наши разделенные умы» (цит. по: Карпенко, 2001). Индивидуальное сознание ограничено, по-видимому, из-за возможной перегрузки и нервных срывов при адаптации к окружению. Самосознание, механизмы самоидентичности при таком понимании отсекают, ограничивают индивида от чужого сознания, чужих переживаний (иногда прорывающихся, возможно, в феноменах телепатии, дежавю, синхроничности). На такую трактовку интегрального сознания также хорошо ложится гипотеза Б. Ф. Поршнева (1979) о причине возникновения многообразия естественных языков как следствии контрсуггестии, вызванной необходимостью отделиться барьером собственного языка от чужеродных влияний.

Одной из особенностей современной эпохи, на мой взгляд, является происходящая конвергенция позиций науки и религии. Так, протестантскими теоло-

гами сотворение мира за 7 дней, описанное в Ветхом Завете, интерпретируется как метафора длительных эпох становления. От Большого взрыва — момента образования нашей Вселенной до дня сегодняшнего, по мнению современных астрофизиков, прошло не менее 14 миллиардов лет. Земля как космический объект существует не менее 5–6 миллиардов лет, а жизнь на Земле возникла 3–4 миллиарда лет назад. Когда я читаю студентам лекции по проблемам сознания, то напоминаю один впечатляющий факт: наш организм содержит атомы углерода и металлов, которых нет в плазме Солнца. Там только водород и гелий. Все элементы тяжелее водорода — продукты взрыва сверхновых звезд: выгорая, они коллапсируют и сжимаются до объема немыслимой плотности и состояний сверхвысоких температур, а затем взрываются, выбрасывая в космос преобразованную материю. Планеты нашей Солнечной системы возникли из этой звездной пыли. В нашем сердце стучит пепел погасших звезд. И, может быть, мы наследники эволюционирующей Вселенной не только, так сказать, в материальном плане? Если перефразировать слова Шарля де Костера, можно сказать: «Пепел потухших звезд стучит в нашем сердце». Солнечная система вобрала в себя пепел этих погасших первичных звезд, а в нашем организме содержится, в частности, железо, как компонент гемоглобина. Мы дети космоса, и наша эволюция — звено в «Глобальной эволюции» (или Big History; см.: Назаретян, 2018).

При этом, согласно вертикали Снукса–Панова (Панов, 2008), показавших экспоненциальный характер динамики земной эволюции (на геофизическом, биологическом и социальном материале), в настоящее время наша цивилизация подошла к моменту исторической сингулярности — к своеобразной точке «бифуркации», когда она либо исчезнет, ли-

бо примет иную, возможно, нематериальную форму. «Великое молчание» космоса, по-видимому, может объясняться обеими возможностями. Либо, дойдя до определенного уровня развития, цивилизация уничтожает саму себя, например, захлебнувшись в отходах собственного производства, либо переходит в другую форму. Еще великий космический мыслитель Эдуард Циолковский предположил, что человечество перейдет в будущем в форму лучистой энергии. Интеграция космических цивилизаций, превзошедших материальный уровень, образует «Космическое сознание» или «Интегральный разум». «Жизнь — это творческая эволюция. Жизненный порыв состоит, по существу, в потребности творить, т.е. вносить в жизнь наибольшую сумму неопределенности и свободы. Жизнь относится к порядку психологическому, а психологическое охватывает нераздельную множественность взаимопроникающих элементов жизни. Мое сознание утверждает, что каждое из моих состояний жизни (ощущения, вкус, мысли) включает все другие, я являюсь и множественным единством, и единой множественностью» (Бергсон, 2001).

В этом плане контакт с космическими братьями по разуму следует искать не по проявлениям артефактов материальной культуры, а, скорее в медитативных практиках нашего сознания, в глубинах нашего собственного бессознательного. Эти мысли я и выразил в неизбежной замене компьютерной метафоры психики человека в когнитивной психологии на метафору «квантового компьютера с космическим интернетом», понимая всю условность этой технической метафоры и несводимость психики ни к какому техническому устройству в рамках «искусственного интеллекта» (Петренко, 2013).

В рамках методологии психосемантического подхода к сознанию, личностному и коллективному бессознательному,

мы исходим из имплицитной включенности субъекта познания в конструируемую им картину мира и невозможности вывести его (субъекта познания) за рамки изучаемой реальности, описав ее в виде независимой от познающего «объективной действительности». Этот постулат неустрашимости позиции субъекта познания из процесса познания разделяют квантовая физика (Гейзенберг, Пенроуз, Менский), современная философия в форме «постнеклассической рациональности» (Степин, Лекторский, Касавин, Аршинов, Буданов, Микешина), психологическая наука (Келли, Петренко, Назаретян, Знаков, Митина, Супрун). Картина мира, конструируемая познающим субъектом (как в рамках житейской психологии наивного наблюдателя, так и рефлексирующего ученого) имеет многослойную организацию и содержит как сознательные, так и бессознательные пласты психического (Фрейд, Юнг). С позиции психосемантики для описания этих уровней психического требуется как минимум два различных языка описания. Проблема в том, что мир, представленный в сознании, «живет» по законам классической физики в «естественном» трехмерном пространстве и времени, а квантовая реальность коллективного бессознательного существует в бесконечномерном пространстве Гильберта и мнимом времени (Петренко, Супрун, 2015; 2017). Причем если «классический мир» оперирует процессами, то квантовый — целостными состояниями. Ситуация крайне напоминает ту, которую описывал Л. С. Выготский в своей работе «Мышление и речь», где он сравнивал мысль с «нависшим облаком», которое «проливается дождем слов». С точки зрения физики мысль, установка, аттитюд — это состояния, содержание которых реализуется в соответствующих процессах. Поскольку содержание каждого состояния финитно и не может изменяться непрерывно (в отличие от реализующего его

процесса), то квантовый характер этого мира вполне естествен. Переход в описании от пространства состояний (спектрального представления в квантовой механике) к «классическому миру» пространства-времени, описываемом нашим сознанием, требует определенной трансформации, известном как Фурье-преобразование. Переход из целостного бесконечномерного состояния коллективного бессознательного в осознаваемую реальность выступает как редукция волновой функции в квантовой физике или как процесс категоризации в психологии.

На коллективное бессознательное, существующее в гильбертовом пространстве, распространяется феномен ЭПР (Эйнштейна, Подольского, Розена) — связности или спутанности, заключающийся в нелокальности бытия и синхронической связи компонентов опыта, генетически связанных в эволюции. Синхроническая связь (описанная в психологии Юнгом) согласно квантовым феноменам ЭПР не требует переноса энергии и осуществляется мгновенно. Гипотетически можно предположить, что именно принципы квантовой физики лежат в основе таких малоисследованных и ставящихся под сомнение многими исследователями феноменов, как телепатия, предчувствие, прорицание.

Бессознательное имеет и другую, не менее интригующую особенность. Как показали клинические наблюдения А. Р. Лурии и В. В. Кучеренко (Лурия, 1968; Кучеренко, 1996; 1997;), человек помнит практически все, что он наблюдал в течение всей своей жизни. В книге «Маленькая книга о большой памяти» А. Р. Лурия описывает феномен пациента Шерешевского, помнившего на протяжении многих лет громадные матрицы цифр или бессмысленных буквенных сочетаний. При всей уникальности его память, обусловленная обостренным сочетанием синестезии и эйдетизма, тем не менее

потенциально присуща всем людям и может быть актуализована с помощью гипнотического транс. Приведу пример из практики Кучеренко работы со свидетелем, который предположительно мог случайно видеть машину преступника. Кучеренко поэтапно погружал свидетеля во все больший гипнотический транс, и, наконец, он (свидетель) как в замедленной съемке смог увидеть движущуюся в его воображении машину и смог прочесть цифры ее номерного знака. Так был найден убийца, совершавший кровавые преступления. Как полагает Кучеренко, восстановить можно практически любую информацию. У взрослого человека можно актуализовать воспоминание того, как он был одет в трехлетнем возрасте и чем его кормили в тот день.

Карл Прибрам (1975) для объяснения неисчерпаемости памяти разработал ее голографическую модель (любая самая малая часть голограммы содержит всю информацию о целом). Проблема только в «энергетической накачке» для актуализации следов памяти, которая тем больше требует психологической энергии, чем меньше фрагмент голограммы. И если личное бессознательное хранит практически всю информацию, связанную с жизнью индивида, то коллективное бессознательное, по-видимому, содержит всю информацию не только всего человеческого рода и всех живых существ, но даже переходных форм от неживого к живому. При этом возникает вопрос о формах ее хранения. Гипотеза о гильбертовом пространстве бытия коллективного бессознательного снимает проблему пространственно-временной локализации коллективной памяти (поскольку категории пространства и времени к нему неприменимы), но требует новых моделей для ее осмысления. Высказав гипотезу о вневременном и внепространственном характере коллективного бессознательного, мы, следуя логике рассуждения, долж-

ны допустить и возможность извлечения из этого «хранилища» опыта предыдущих эпох и допустить возможность «ментальной» археологии, позволяющей в транс-овых состояниях погружаться в исторические пласты минувшего. А отсюда недалеко и до тезиса о возможных контактах с ушедшими из этого мира людьми.

Рассмотрев явление переживания шестого чувства, мы значительно раздвинули рамки проблемы идентичности, придав ей космический характер. В рамках этого масштаба можно характеризовать иллюзорность индивидуального «эго» с помощью метафоры листьев дерева, которые осенью опадают, но при этом целое, т.е. дерево (аналог коллективного бессознательного), продолжает жить. Или представить индивидуальное бытие как кратковременные пузыри, возникающие на поверхности своеобразного Соляриса (океана бессознательного). Однако ограниченность этой метафоры связана с тем, что этот кратко живущий «пузырь» — человеческое «эго» — обладает пусть ограниченной, но свободой воли и творческой креативностью, вносящими свою лепту в эволюцию океана.

Попробуем дать свою версию шестого чувства, оперируя естественно-научными представлениями. Известно, что возраст нашей вселенной 13,8 миллиарда лет, а возраст нашего отчего дома Земли где-то более 5 миллиардов. Мы — дети космоса, и уже практически доказано, что жизнь на Земле имеет космическое происхождение и была занесена на нашу планету в виде простейших микроорганизмов метеоритами и кометами, массивно бомбардировавшими ее в ту пору, когда она еще не обладала защитной воздушной оболочкой. Дарвиновская теория происхождения видов как борьбы за существование и выживание наиболее приспособленных дала мощный толчок концепции эволюции и способствовала ее переносу Г. Спенсером в социологию.

Совсем иначе выглядит биологическая история при рассмотрении биосферы как единой системы, существовавшей и изменяющейся на протяжении миллиардов лет. Согласно теории «панспермии» и представлениям Г. Рихтера, Г. Гельмгольца, У. Томсона, жизнь была занесена на Землю из космоса.

В соответствии с данным предположением, жизнь возникла не в форме отдельной первичной клетки, а, как полагают биолог Ю. В. Чайковский (2006), в форме совокупности («ценоза») биохимических реакций; позже ценоз разделился на отдельные организмы (на множество разнородных первичных клеток). Органические реакции одна за другой встраивались в неорганические геохимические круговороты, постепенно делая их органическими, точнее биогеохимическими. По мысли академика А. С. Спирина (2003), через какое-то время после остывания Земля представляла собой Солярис — гигантский организм. Спустя еще какое-то время Солярис начал дробиться на плавающие и растущие организмы. Произошел переход от целостной системы к раздробленной, в которой образовавшиеся организмы стали поедать друг друга. Отметим эту удивительную гипотезу возникновения жизни на Земле, представленную синтезом идей С. Лема, Ю. В. Чайковского и А. С. Спирина, которая противоречит нашим школьным познаниям.

Тем не менее эти идеи, на мой взгляд, перекликаются с гениальным трудом Анри Бергсона «Творческая эволюция», где существование эмпатии и интуиции переживаний одного живого существа другим (на примере осы, безошибочно наносящей парализующий укол в ганглии насекомого, поскольку она интуитивно чувствует местоположение этих ганглий) объясняется тем, что живые существа имеют общее родство в происхождении. Но, поскольку Солнце — вторичная

звезда, а, как полагает современная астрофизика, только в нашей галактике насчитываются сотни тысяч звезд, имеющих планеты, то биологическая жизнь, а затем и разумная могли возникнуть на некоторых из этих планет намного раньше земной. Учитывая ускорение эволюционного процесса (Панов, 2008; Назаретян, 2017), можно полагать, что при отсутствии самоуничтожения, вызванного экологическими причинами или иными, связанными с утратой смысла жизни и т.п., некоторые из этих гипотетических цивилизаций, возникших много раньше земной, могли достичь такого уровня развития, что в состоянии выступать по отношению к земной цивилизации в роли богов. Можно представить себе, как бы воспринимали древние египтяне, ассирийцы или шумеры наши города, транспорт и средства связи, имея они возможность взглянуть на современную жизнь. В качестве исторической аналогии можно вспомнить культ «карго»: когда в недавнем прошлом американцы после окончания Второй мировой войны ушли с островов Полинезии, местные жители стали строить из стволов пальм макеты самолетов, надеясь, что «божественные благодетели» еще вернуться и принесут с собой многие полезные для островных жителей вещи (Назаретян 2017).

Что касается «великого молчания» космоса и отсутствия каких-либо сигналов от этих гипотетически более высоко развитых, чем земная, цивилизаций, то я уже писал о том, что наивно экстраполировать наш уровень технологий на иные цивилизации. В научной фантастике Жюль Верна каких-то чуть более 100 лет назад будущие космонавты летели на Луну на пушечном ядре, и великий фантаст вряд ли мог додуматься, например, до Интернета или геной инженерии. Наивно полагать, что будущие инопланетяне прилетят на Землю в космическом корабле и будут напоминать своим видом со-

временных землян. Возможно, прав гениальный Станислав Лем, описавший в научно-фантастическом романе «Солярис» одну из возможных форм разумной жизни в виде мыслящего океана. Скорее, возможен контакт с гипотетическими собратьями по разуму в форме глубинной медитации и выхода в сферу бессознательного.

Затронем в этом контексте проблему взаимосвязи сознания и бессознательного. Специфику сознания в современной психологии связывают в первую очередь с языком, несущим в своих значениях совокупный общественный опыт. Как пишет М. М. Бахтин (1979), сознание возникает при коммуникации и общении с другими людьми, а самосознание выступает как автокоммуникация, т.е. общение человека с самим собой. Помимо вербальных значений инструментами сознания могут выступать и иные знаковые системы: визуальные символы, образы, имеющие устойчивые значения, ритуальные действия, символические фигуры балета, мимика, жесты и т.п. В наших публикациях (Петренко, Кучеренко, 2007) мы описывали гипнотические феномены, когда блокировка вербальных значений приводила к тому, что человек видел объект, но не осознавал его. Так, например, при гипнотической инструкции не видеть конкретного человека, испытуемый вел себя, полностью игнорируя присутствие значимого для него человека, вплоть до нарушения принятых форм приличия. Но в то же время он не пытался пройти сквозь «невидимого», ставшего у него на пути, или задеть его рукой. То есть видел другого человека, но не осознавал этого.

Помимо гипноза в психологии и религии используется множество психопрактик вхождения в измененные состояния сознания. Измененные состояния сознания, или ИСС (altered states of consciousness), возникают при воздействии на личность человека, пребыва-

ющего в обычном состоянии сознания, различных факторов: стрессовых, аффектогенных ситуаций, сенсорной депривации или длительной изоляции, интоксикации. Психоделические феномены возникают на фоне высокой температуры, гипервентиляции легких или, напротив, длительных задержек дыхания, острых невротических и психотических заболеваний, когнитивно-конфликтных ситуаций, выбивающих сознание субъекта из привычных форм категоризации (например, необычное поведение наставника в чань-буддизме, применение коанов — парадоксальных изречений, используемых буддизмом), использования парадоксальных инструкций, невыполнимых в логике обычного состояния сознания и приобретающих осмысленность для субъекта лишь в «логике ИСС», медитации и др.

В литературе ИСС определяется как психическое состояние, вызванное тем или иным физиологическим, психологическим или фармакологическим агентом, субъективно описываемое индивидом в терминах внутреннего опыта, а при объективном наблюдении за ним характеризуемое как отклонение от определенной нормы функционирования психики (Гордеева, 2009; Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998; Спивак, 2000). Ч. Тарт (2003) определяет ИСС как качественную перестройку в индивидуальном паттерне психического функционирования. Наиболее ранней формой фиксации и развития в человеческой культуре сознательного индуцирования ИСС и их активного применения с различными целями является шаманизм. В этнографии описаны измененные состояния, известные под названиями «шаманская болезнь», «шаманский транс», состояния коллективного транса, например, в процессе проведения шаманского обряда камлания и т.д. В дальнейшем ИСС и приемы их навешения нашли свое место как в различных

религиях, так и в «народной» культуре: в знахарстве, гаданиях, деревенской магии, карнавалах и др. Привлечение внимания науки к феноменам ИСС и способам их регуляции связывается с эпохой месмеризма, когда Ф. А. Месмером (1733—1815) были заложены основы гипноза и начато его активное терапевтическое использование.

Для того чтобы осознанно воспринимать что-либо, необходимо наличие периферических органов чувств и когнитивных схем, эталонов распознавания, а для осознания воспринимаемого еще и наличие некоего языка, понимаемого в широком семиотическом плане, например, «языка искусства» или, вернее, «языков искусства» (Петренко, 2014). Из-за отсутствия ряда специфических органов чувств для восприятия идущей из внешнего мира информации психика человека содержит ряд «слепых зон». Например, она не воспринимает электромагнитные излучения в диапазоне ультрафиолетового, рентгеновского и гамма-излучения, а в низкочастотной области не «ловит» радиоволны. Восприятие человека нечувствительно и к статичному магнитному полю, и, конечно, к нейтринному излучению. Ограничено человеческое восприятие также относительно быстротекущих и сверхмедленных процессов. Но помимо работы периферийных органов процесс восприятия включает в себя по принципу «рефлекторного кольца» регулируемую роль когнитивных структур мозга (модель «потребного будущего» в терминах Н. Бернштейна (1990) или «акцептор действия» П. Анохина (1970)).

На языке психологической науки этим физиологическим механизмам управления (Александров, 2008) соответствуют перцептивные эталоны, когнитивные карты, когнитивные схемы, системы значений и семантические пространства. Блокировка или неразвитость двух последних приводит к «слепоте»

восприятия. Расширить диапазон восприятия можно за счет различных психотренингов, таких как «тренинг сензитивности», медитация (Далай-лама XIV, 2010; Шивананда Свами, 2001; Чогьял Намкай Норбу, 2009; Нида Ченагцанга, 2010), аутотренинг (Шульц, 1985), йога (Айенгар, 2010; Саи Баба, 2009; Сидерский, 1998), холотропное дыхание (Гроф, 2007; Козлов, Майков, 2004), метод сенсорного психосинтеза (Петренко, Кучеренко, 2007), гипноз (Шойфет, 2006) и мягкий эриксоновский гипноз (Эриксон, 1995), различных религиозных практик: динамической медитации в форме монотонных телодвижений или повторения мантр, текстов, имеющих сакральный характер (Хоружий 1993), поста, молитвы (Василук, 2005), созерцания (Акопов, 2009; Карицкий, 2011; Шестун, Подоровская, 2011), затворничества (Феофан Затворник, 2010), ретрита (Сопа Ринпоче, 2012).

Психопрактики и медитация не только снижают пороги чувствительности, открывая области, ранее недоступные ощущениям и переживаниям, но, главное, они расширяют сознание, снимая субъект-объектную оппозицию, интегрируют индивидуальное сознание с космическим, трансперсональным, божественным (возможны разные термины). Изучение феноменологии ИСС позволяет переосмыслить проблему сознания, расширить границы традиционного понимания личности. Трансперсональными психологами предложены ряд классификаций, систематизирующих и описывающих необычные переживания личности в ИСС, и модели психики, на них основывающиеся. Наиболее известные из них: спектр сознания К. Уилбера (2004), картография внутренних пространств С. Грофа (2003), основанная на философии буддизма модель личности Р. Уолша (2006). В отечественной психологии в рамках психосемантического подхода ИСС рассматриваются

через изменение форм категоризации сознания субъекта, трансформации его семантических пространств. В результате исследований влияния эмоций на процессы категоризации при построении семантических пространств в измененных состояниях сознания были выделены определенные критерии ИСС (Кучеренко, Петренко, Россохин, 1998). В измененных состояниях сознания происходят изменения:

1) формы категоризации субъекта, сопровождающиеся переходом от социально нормированных культурой форм категоризации к иным «точкам сборки» (нестандартным способам упорядочения внутреннего опыта и переживаний); этот процесс включает переход от преимущественной опоры на вербально-логические, понятийные структуры к отражению в форме наглядно-чувственных (довербальных) образов;

2) эмоциональной окраски отражаемого в сознании внутреннего опыта (например, возникают интенсивные эмоциональные переживания новизны, необычности, ирреальности, сопровождающие переход к новым формам категоризации);

3) процессов самосознания, рефлексии, проявляющиеся в том, что некоторые элементы феноменологии измененных состояний сознания переживаются субъектом не как продукты собственной психической активности, а как нечто объективное и независимое от него, например, интерпретация внутреннего опыта как откровения свыше: «было мне видение», «слышал я голос» и т.п.;

4) восприятия времени, последовательности происходящих во внутренней реальности событий, частичная или полная их амнезия, обусловленная трудностью, а иногда и невозможностью перевода внутреннего опыта, полученного в измененных состояниях, на язык социально нормированных форм категоризации, например сложность воспроизведе-

ния последовательности событий сновидения в бодрствующем состоянии.

Возможен и другой критерий различения сознания и бессознательного, связанный с измененными состояниями сознания. Согласно И. Канту, категории (или, как писал Кант, «интуиции») времени и пространства являются не онтологическими характеристиками «вещи в себе», а категориями сознания субъекта (будь то человек или животное), создающего мир объектного видения. Адекватным языком для описания предметного мира является язык декартовых пространств, или четырехмерный мир А. Эйнштейна, включающий в качестве одной из координат категорию времени. В этом предметном языке любая материальная сущность имеет пространственные и временные координаты и представляется неким объектом. Но предикторы трансовых состояний: медитация, молитва, гипноз, холотропное дыхание, ритмические танцы, особые ритуальные действия, различные природные психоделики (грибы, растения, алкоголь и т.п.) могут выводить человека в некий иной мир вне времени и пространства. На эту тему имеется большой феноменологический материал (см. работы К. Юнга, А. Маслоу, С. Грофа, А. Минделла, Р. Фрейджера, М. Мерфи, К. Уилбера, В. Козлова, В. Майкова и др.), в котором описываются трансовые состояния.

Измененные состояния сознания, как состояния вне времени и пространства, лучше описываются на языке гармоник гильбертова пространства (Петренко, Супрун, 2015), которые не имеют начала и конца. Язык гильбертова пространства используется в квантовой физике для описания волновых процессов. Квантовой физике принадлежит и феномен ЭПР (Эйнштейна, Подольского, Розена), сформулированный в ходе дискуссии Нильса Бора и Альберта Эйнштейна как возможность связности и нелокальности бытия. Суть его в следующем: соглас-

но конструктивистской позиции Гейзенберга, свойства элементарных частиц не существуют до их измерения и проявляются только при взаимодействии прибора в «руках» исследователя и самого объекта наблюдения, что по мысли физиков Р. Пенроуза и М. Б. Менского необходимо требует участия сознания наблюдателя в процессе редукции волновой функции. Согласно феномену ЭПР, или, как его еще называют, «квантовой телепортации», измерение, например, направления спина одной элементарной частицы ведет к тому, что становится одновременно известным противоположное направление спина его генетически связанного «близнеца». Пусть и удаленного на космические расстояния от первого. Передача информации (в шенноновском понимании) или любого другого воздействия, по мнению А. Эйнштейна, здесь невозможна, так как она ограничена скоростью света. Тем не менее физики А. Аспект и Дж. Белл эмпирически подтвердили существование этого феномена, из которого следует нелокальность бытия квантового мира. Сверхсветовые скорости «передачи информации» приводят к нарушению принципа причинности и открывают возможности мгновенной телепортации состояний. То есть взаимосвязь «всего и вся» и возможность мгновенного отклика на воздействие (измерение одного из них) эволюционно связанных элементов, независимо от расстояний между ними.

Феномен ЭПР по-своему оказался ответом на вопрошание Эйнштейна: «Меняется ли что-либо во Вселенной, если на звезду смотрит мышь?» Ответ (конечно, очень упрощенный): да, меняется! И это связано с феноменом нелокальности бытия и взаимосвязанностью всего сущего. Все это позволило Р. Пенроузу высказать мнение: «Коль скоро квантовая сцепленность не разрушается, мы, строго говоря, не можем полагать отдельным и независимым ни один объект

во Вселенной... Никто не может по-настоящему объяснить, не выходя за рамки стандартной теории... почему нам вовсе не обязательно представлять Вселенную в виде единого целого, этого невероятно сложного спутанного клубка, не имеющего ничего общего с тем классическим по виду миром, который мы в реальности наблюдаем» (Пенроуз, 2005, с. 464). Этот своеобразный вариант Всеединства бытия позволяет предположить, что феномены синхронии, предвидения и телепатии имеют основание в физике квантового мира. Кстати, и выдающийся российский психофизиолог Е. Н. Соколов был солидарен с идеей С. Хаммероффа и Р. Пенроуза о существовании на молекулярном уровне нейронных трубочек, позволяющий человеческому мозгу работать как своеобразный квантовый компьютер (Соколов, 2010).

Подводя итог нашим рассуждениям об отношениях науки и религии, сделаем несколько, даже не выводов, а скорее гипотетических утверждений. Наука и религия находятся в отношениях взаимодополнительности, что ведет к интегральному мировосприятию, где рации и вера создают многомерную мировоззренческую картину, включая в нее и смысл бытия, и место в нем самого человека. То что наука не может выразить в присущих ей жестких языках формализации, религиозное чувство схватывает в мягких метафорических и интуитивных языках поэтических образов измененного состояния сознания. Религия выражает религиозное (шестое) чувство в сакральных текстах, но ритуализация этих текстов в массовом сознании приводит к значительной утрате тех самых психопрактик и того трансцендентального чувства, которые и привели к рождению этих сакральных текстов. В отличие от науки, обогащающей человеческий мир технологическими, облегчающими жизнь новшествами, религии и возникшие на их базе этические системы

задают смысл человеческому существованию, определяя техно-гуманитарный баланс между достижениями науки и техники, расширяющими возможности Человечества, и моралью и этикой, ограничивающими вмешательство человека в исходные природные процессы. Исходя из космического происхождения жизни на Земле, можно предположить также космический источник земного сознания, полагая не прямой перенос информации о мире Человечеству из космических источников, а резонанс психических состояний коллективного бессознательного (бытие в состоянии потока), когда на основе синергии и синхронии осуществляется квантовая телепортация (божественных состояний интуиции), благодаря которым пророк, поэт, ученый или музыкант порождает, создают тексты, идеи, поэзию и музыку. То есть присутствие космического сознания (вернее, коллективного космического бессознательного) во все века биологической и социальной эволюции Человечества задавало направление вектора эволюционного развития (или наличие телеономической, целевой функции), что на языке религиозного менталитета являло собой божественное присутствие.

Литература

- Айенгар Б. К. С.* (2010) Свет жизни: йога. М.: АНФ.
- Акопов Г. В.* (2009) Классическая и/или неклассическая психология сознания // *Методология и история психологии.* № 1. С. 130–136.
- Александров Ю. И.* (2008) Эмоция и мораль // *Методология и история психологии.* № 3. С. 186–208.
- Аллахвердов В. М.* (2003) Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь.
- Аллахвердов В. М.* (2009) Сознание — кажущееся и реальное // *Методология и история психологии.* № 1. С. 137–150.

- Анохин П. К.* (1970) Теория функциональной системы // Успехи физиологических наук. № 1. С. 19–54.
- Бахтин М. М.* (1979) Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература.
- Бергсон А.* (2001) Творческая эволюция. М.: Канон-Пресс.
- Бердяев Н.* (2003) Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: Фолио.
- Бернштейн Н. А.* (1990) Физиология движений и активность. М.: Наука.
- Берталанфи Л. фон* (1969) Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс. С. 23–82.
- Богданов А. А.* (1989) Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. М.: Экономика.
- Большакова В. В.* (2006) И. И. Лапшин о психологии мистического познания и «вселенского чувства» // Методология и история психологии. 2006. Вып. 2. С. 82–93.
- Василюк Ф. Е.* (2005) Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования) М.: Смысл.
- Гордеева О. В.* (2009) Измененные состояния сознания и культура: основные проблемы и направления исследования в современной психологии // Измененные состояния и культура: Хрестоматия. СПб.: Питер. С. 4–28.
- Гроф С.* (2003) Холотропное сознание: три уровня человеческого сознания и их влияние на нашу жизнь. М.: АСТ.
- Гроф С.* (2007) Величайшее путешествие. Сознание и тайна смерти. М.: АСТ.
- Далай-лама XIV* (2010) Учение Его Святейшества Далай-ламы XIV для буддистов России. Посвящение Гухьясамаджи. Комментарий к тексту Гьялэ Тогме Сангпо «37 практик Бодхисаттвы». Дхарамсала, Индия.
- Джеймс У.* (1993) Многообразие религиозного опыта. М.: Наука.
- Еремеев В. Е.* (2008) Представления о структуре психики в древнеиндийском учении санхья // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 162–174.
- Ермолаев Б. А., Петренко В. Ф.* (1976) К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир. С. 107–129.
- Карицкий И. Н.* (2011) Психологические практики внутреннего созерцания реальности // Созерцание как современная научно-теоретическая проблема / отв. ред. Г. В. Акопов. Самара: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия. С. 112–126.
- Карпенко М.* (2001) Вселенная разумная. М.: МАИК «Наука / Интерпериодика».
- Келли Дж.* (2000) Психология личности. СПб.: Речь.
- Козлов В. В.* (2016) Психология буддизма: четвертое колесо дхармы. Вологда: Древности Севера.
- Козлов В. В., Майков В. В.* (2004) Трансперсональная психология. Истоки, история, современное состояние. М.: Ин-т трансперсональной психологии.
- Кричевский С. В.* (1995) Космонавтика и гражданское общество // Общественные науки и современность. № 2. С. 149–158.
- Кричевский С.* (2014) Интервью с ним «Эффект соляриса. Что снится космонавтам в полете?» // Аргументы и факты. № 51.
- Кучеренко В. В.* (1996) Техника экспликации неосознаваемых субъектом знаний // Индивидуальность как субъект и объект современной жизни. Смоленск: Смоленский государственный университет. С. 214–221.
- Кучеренко В. В.* (1997) Методика извлечения информации из пассивного запаса памяти // Методы психологии. Сб. науч. трудов. Т. 3. Ростов-н/Д.: Ростовский государственный ун-т. С. 155–158.
- Кучеренко В. В., Петренко В. Ф., Россихин А. В.* (1998) Измененные состояния сознания: психологический анализ // Вопросы психологии. № 3. С. 70–78.
- Лапшин И. И.* (1905) Мистическое познание и вселенское чувство // Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому... СПб.: Имп. акад. наук.
- Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб.: Искусство, 2001.
- Маслоу А. Г.* (1999) Мотивация и личность. СПб.: Евразия.
- Менский М. Б.* (2007) Человек и квантовый мир. Странности квантового мира и тайна сознания. Фрязино: Век 2.
- Назаретян А. П.* (1995) Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. № 4.

- Назаретян А. П.* (2001) Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. М.: ПЕРСЕ.
- Назаретян А. П.* (2003) История и психология антропогенных кризисов, гипотеза техно-гуманитарного баланса // Мат-лы междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». М.: Ин-т микроэкономики.
- Назаретян А. П.* (2017) Нелинейное будущее. М.: Аргмак-Медиа.
- Назаретян А. П.* (2018) Глобальное прогнозирование в свете Мегаистории и синергетики. Очерки истории будущего. М.: ИВ РАН.
- Налимов В. В., Драгалина Ж. А.* (1995) Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного М.: Мир идей; АО «Акрон».
- Нида Ченагцанга* (2010) Медитация Будды Медицины в окружении четырех Дакинй. Улан-Удэ: Юток Линг.
- Ньянапоника* (1994) Внимательность как средство духовного воспитания (буддийский метод сатипаттхана) // М.: Медитация.
- Панов А. Д.* (2008) Универсальная эволюция и проблема поиска внеземного разума (SETI). М.: ЛКИ.
- Пенроуз Р.* (2005) Тени разума. В поисках науки о сознании. М.; Ижевск: Ин-т компьютерных исследований.
- Петренко В. Ф.* (2013) Базовые метафоры психологических теорий // Психологический журнал. № 1. С. 121–131.
- Петренко В. Ф.* (2014) Психосемантика искусства. М.: МГУ.
- Петренко В. Ф., Кучеренко В. В.* (2007) Медитация как непосредственное познание // Методология и история психологии. № 1. С. 164–189.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* (2015) Методология психосемантики в контексте философии постнеклассической рациональности и квантовой физики // Вестник РАН. Т. 85, № 10. С. 896–905.
- Петренко В. Ф., Супрун А. П.* (2017) Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. М.; СПб.: Нестор-История.
- Прибрам К.* (1975) Языки мозга. Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М.: Прогресс.
- Поршнев Б. Ф.* (1979) Социальная психология и история. М.: Наука.
- Саи Баба С.* (2009) Йога и медитация. М.: Амрита-Русь.
- Сидерский А.* (1998) Йога восьми кругов. Киев: Ника-Центр.
- Соколов Е. Н.* (2010) Очерки по психофизиологии сознания. М.: МГУ.
- Соловьев В. С.* (1988) Сочинения: в 2 т. М.: Мысль.
- Сона Ринпоче лама* (2012) Для чего нужны затворы? URL: <http://khurul.ru/2012/11/lama-sora-rinpoche-dlya-chego-nuzhny-zatvory/>
- Спивак Д. Л.* (2000) Измененные состояния сознания: психология и лингвистика. СПб.: Ювента.
- Спириг А. С.* (2003) Рибонуклеиновые кислоты как центральное звено живой материи // Вестник РАН. № 2. С. 117–127.
- Тарт Ч.* (2003) Измененные состояния сознания. М.: Эксмо.
- Торчинов Е. А.* (1998) Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение».
- Турецкий М. И.* (2006) Шломо Зигмунд Фрейд // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 113–137.
- Турецкий М. И.* (2008) Строитель Боллингенской башни // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 108–120.
- Уилбер К.* (2004) Интегральная психология. Сознание, Дух, Психология, Терапия. М.: АСТ.
- Уолш Р.* (2006) Пути за пределы «эго». М.: Открытый мир.
- Феофан Затворник* (2010) Письма о духовной жизни. М.: Отчий дом.
- Филлмор Ч.* (1981) Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10.
- Франкл В.* (2009) Десять тезисов о личности // Психология личности: Хрестоматия. М.: АСТ-Астрель. С. 36–53.
- Фрейджер Р., Фейдимен Дж.* (2008) Личность: теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-Еврознак.
- Хоружий С.* (1993) Исихазм и история // Цивилизации. Вып. 2. М.: Наука.
- Чайковский Ю. В.* (2006) Наука о развитии жизни. М.: ИИЕТ.
- Чогьял Намкай Норбу* (2009) Практика долгой жизни бессмертной дакини. Шанг Шунг: Институт Шанг Шунг.

Шестун Г. (игумен Георгий), Подорожская И. А. (2011) Святоотеческое понимание созерцания // Созерцание как современная научно-теоретическая проблема / отв. ред. Г. В. Акопов. Самара: ПГСГА. С. 95–112.

Шивананда Свами (2001) Медитация на Ом. М.: София.

Шойфет М. С. (2006) Нераскрытые тайны гипноза. М.: Рипол классик.

Шульц И. Г. (1985) Аутогенная тренировка. М.: Медицина.

Эриксон М. (1995) Мой голос останется с вами. СПб.: Петербург-XXI в.

Юнг К. (1991) Архетип и символ. М.: Ренессанс.

Chaisson E. J. Cosmic evolution: The rise of complexity in nature. Cambridge: Harvard Univ. Press 2001.